

ЭТНОГРАФИЯ

ВЫЯВЛЕНИЕ И ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОНТАКТНЫХ ЗОН АБОРИГЕНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С.С. Тихонов

Рассмотрен вопрос о возможности выявления и последующем анализе по письменным, этнографическим, археологическим, топонимическим, картографическим данным контактных территорий населения Западной Сибири. На материалах Г. Ф. Миллера, собранных им в бассейне Оби, Иртыша и их притоков в 1740 г., показаны несколько контактных зон разного типа. Представлены алгоритм работы с источниками и перспективы его развития.

Этнографо-археологический комплекс, контактная зона, аборигены Сибири.

Изучая древности, археологи зачастую получают материалы, культурную принадлежность которых определить бывает затруднительно, поскольку они сочетают признаки разных археологических культур или их вариантов. Особенности материалов могут быть связаны с наличием ранних и поздних комплексов и промежуточного «гибрида». В этом случае археолог выявляет хронологические особенности находок. Этот подход неплохо разработан, свидетельством чему — обширная терминология описания переходных эпох (финальная бронза, конец неолита — начало энеолита, переходное время между бронзой и железом и т.д.). Имеются и теоретические разработки по этим проблемам [Зданович, Шрейбер, 1988]. «Гибридные» находки могут отражать и связи одновременно проживавших групп древнего населения. Такие ситуации археологи тоже рассматривают, говоря о торговых, культурных и прочих контактах [Чернецов, 1973].

При изучении этнографо-археологических комплексов тарских татар XVII–XVIII вв. мне неоднократно приходилось наносить на карту места расположения русских деревень, татарских аулов, угорских «паулей». При этом выявлялись территории, где представители разных этносов проживали совместно, или же, наоборот, обширные незаселенные пространства между ними. Это заставляло думать о специальном изучении контактных зон — мест или территорий взаимодействия групп населения, имевших разный культурный облик. Очевидно, что подобные территории и их древности могут быть весьма интересны для исследования, поскольку позволяют изучать формы контактов аборигенов, направление и характер культурных связей, механизмы трансляции и восприятия инородных элементов культуры и мн. др.

Впервые о возможном существовании контактных территорий мне рассказал В.И. Матющенко, когда в конце 1980-х гг. мы обсуждали с ним особенности распространения памятников еловской культуры в южно-таежной зоне Томско-Нарымского Приобья. При этом он ссылался на результаты работ В.С. Синяева, проведенных в 1947 г. на Чулыме, особо упоминая населенный пункт Рубеж, который и был границей расселения двух групп населения Причулымья. Вероятно, следует полагать, что именно В.С. Синяев первый, по крайней мере в сибирской археологии, поставил вопрос о существовании пограничных территорий [Синяев, 1950, 1956, 1963]. К сожалению, в середине 1950-х гг. он перестал заниматься археологией и молодым исследователям практически неизвестен. Но о нем есть неплохой очерк [Галкина, 2000].

Вернемся, однако, к контактным зонам. По-видимому, археологи больше стараются иметь дело с «чистыми» культурами. Предполагая, что по периферии занимаемых культурами территорий находятся места взаимодействия древних людей, этим местам не уделяют особого внимания, поскольку, возможно, пока не существует безупречного алгоритма их поиска и изучения.

Алгоритм изучения может быть следующий: выявление контактных зон во время картографирования населенных пунктов аборигенов Сибири (зон совместного проживания, использования или, наоборот, пустых, незанятых земель между территориями расселения этнических

групп), анализ археологических признаков таких зон, проведение в определенных районах полевых исследований, разработка процедуры экстраполяции полученных данных на более ранние эпохи.

В данной работе я намерен рассмотреть потенциальные контактные территории и их особенности на материалах Нижнего Прииртышья, Томско-Нарымского и Сургутского Приобья. Источником послужили записки профессора Академии наук и художеств (будущего академика) Герарда Фридриха (Федора Ивановича) Миллера, сделанные во время его путешествия по Оби летом — осенью 1740 г. и подготовленные к печати А. Х. Элертом [Миллер, 1996].

Итак, в конце лета и осенью 1740 г. действительный член Академии наук и художеств, профессор истории Г. Ф. Миллер ехал по Оби и Иртышу из Томска в Березов и оттуда в Тобольск. В этой поездке, как и во всех других, начиная с 1734 г., он кратко описывал встречавшиеся на пути русские деревни, остяцкие и татарские юрты, указывал их взаимное расположение, расстояние друг от друга, а также от устьев рек и озер, их расстояние друг от друга в верстах, отношение к волости и уезду, название, количество хозяйств и т.д. В случае необходимости он давал пояснения или пространные описания населенных пунктов, а также рек, впадающих в Обь и Иртыш, и их притоков. Подробно описал Г. Ф. Миллер и географические объекты — реки и их притоки, указал время, необходимое для передвижения от одной реки до другой (в днях пути). Ученый не обошел вниманием и дороги, по которым можно добраться от одного географического пункта до другого. Большинство топонимов сохранилось до нашего времени, лишь некоторые изменились. Впрочем, их нетрудно соотнести с прежними, существовавшими во время ведения записей, поскольку описания очень подробные. Записки Г. Ф. Миллера ценны тем, что на их основе можно воссоздать систему расселения аборигенов Сибири и русских, путей сообщения, расположение промысловых территорий, религиозных, культовых, административных центров и т.д.

Сопоставляя данные Г. Ф. Миллера с современными географическими картами в масштабах 1:200 000, 1:500 000 и 1:1 000 000, нетрудно восстановить географическую ситуацию того времени. Ученый указывал этнонимы и топонимы, что позволяет определить границы обитания групп аборигенов и наметить территории, где они совместно (или близко друг от друга) проживали, вели торговлю и т.д. Отрадно, что предприятиями Главного управления геодезии и картографии, например Омской картографической фабрикой, Уралаэрогеодезией, начат выпуск карт в масштабе 1:100 000, что, безусловно, может повысить точность реконструкций. В случае необходимости географическую источниковую базу можно дополнить, используя известные сервисы Google Earth, Wikimapia.org, Яндекс-карты или аналогичные им ресурсы.

Места компактного проживания русских и их влияние на культуру аборигенов рассмотрены не будут. Связано это с тем, что русские в XVII — начале XVIII в. довольно органично вписались в существовавшую в Сибири систему природо- и землепользования, на первых порах не вытесняя коренное население Сибири с мест традиционного проживания и ведения промыслов. Сама же традиционная система природо- и землепользования сложилась в Сибири задолго до прихода русских и регулировала отношения татар, остяков (так Г. Ф. Миллер называл нарымских селькупов и хантов), вогулов и самоедов (соответственно манси и ненцы).

К сожалению, в районе Томска контактных территорий проследить не удалось, поскольку после прихода русских на Томь и основания Томска земли вокруг него были ими весьма плотно заселены. Небольшой анклав зуштинских татар, живших напротив Томской крепости, отмечен Г. Ф. Миллером только ниже Томска: он прибыл туда в 1734 г. по сухопутной дороге из Кузнецка и южные деревни Томского дистрикта на Томи описал со слов знающих людей.

Итак, первая контактная территория татар и остяков зафиксирована ученым в долине Оби ниже д. Кривошеино [Миллер, 1996, с. 177–178], расположенной на левом берегу Оби в устье р. Бровка (р. Провская, в татарской огласовке — *Buganing-airese*). Сейчас это Кривошеинский район Томской области. На правом берегу Оби напротив устья вышеназванной речки находились юрты Провские (*Burá-aul*), относящиеся к татарской Большой Провской волости. Это самые нижние по течению Оби юрты этой волости, имеющие только татарское и русское название. Следующие юрты — Микитины (*Iskin-aul*), находящиеся в трех верстах ниже Провских, уже имели и остяцкое название — *Dschödoi-burá*. Располагавшиеся ниже по Оби татарские юрты Испечекеры (*Ispetschek-aul*) тоже имели и остяцкое название — *Üté-burá*. Верстах в 2–3 ниже их расположены остяцкие юрты *Anbár-jêt* остяцкой Шепецкой волости. Еще в 2–3 верстах ниже по течению Оби на ее правом берегу ниже устья р. Анба/Анма находится селение *Soran-jêt* (юрты

Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Западной Сибири

Чабановы), где жили татары Шагарской волости и остяки Шепецкой. В 11 верстах ниже этих юрт проживали только остяки.

Предварительные выводы по этой территории следующие:

- контактная зона между татарами и остяками тянулась вдоль Оби на 25–30 км;
- наличие остяцких и татарских топонимов применительно к одному населенному пункту свидетельствует о постепенном продвижении татар к северу, что соответствует общей тенденции освоения сибирских территорий татарами;
- об этом же свидетельствует и проживание татар с остяками в одних юртах;
- в данном случае границы волостей могут служить и этническими границами.

Вторая контактная территория находится на границах современных Каргасокского района Томской области, Кыштовского и Северного районов Новосибирской области, Тарского и Сельниковского районов Омской области [Миллер, 1996, с. 197]. Это территория южно-таежная, пронизанная истоками рек, правых притоков Иртыша и левых — Оби, сильно заболоченная; здесь контактировали охотники, ведущие промысел в верховьях Васюгана (приток Оби), рек Уй и Шиш (притоки Иртыша) и в самой северной части Барабы, т.е. на водораздельных болотах. Г. Ф. Миллер описывает пути передвижения охотников и места их промысла. Фактически речь идет об общей промысловой территории разных этнических групп населения Васюганья, Прииртышья и Барабы. Границы этой зоны определяются крайними населенными пунктами остяков, татар и русских.

В двух случаях границы этнических территорий и вероятные контактные зоны были намечены по ареалам топонимов. Так, границей двух групп остяков — говорящих на «нарымском» и «сургутском» языках — являлась р. Тым. Здесь же проходила граница Нарымского и Сургутского уездов [Миллер, 1996, с. 199]. К югу от Тыма название остяцких юрт имело наращение -jêt-êt (Üdschüpsin-êt, Karganaki-êt, Kasil-êt), а к северу — -bugl/pugl (Séago-bugl, Lunki-bugl, Pög-bugl). Разные наращивания имели и гидронимы у этих групп населения: -sês или -jogon. На р. Lõckai-jõgon, что впадает в Тым в 10 верстах ниже его устья, с севера приходили на летнюю рыбалку остяки Лумпокольской волости Сургутского уезда. Расстояние от этого места до последней деревни нарымских остяков Kolgial-êt 37 верст. Здесь контактная зона, по сути, разделяла две группы населения, и большую часть года там никто не жил.

По особенностям топонимов можно определить еще одну границу обитания групп населения. В Карымкарах (Karim-uasch-pugl) и к югу от них деревни называли -pugl. В 18 верстах к северу от Карымкар в начинавшейся Малой Атлымской волости деревни называли -kurt (Liusch-kurt, Togol-kurt, Rod-kurt). Интересно, что в версте к северу от Карымкарских юрт в устье р. Карымкарка (Káring-jäga) находилось городище, защищавшее остяков от врагов. Чуть выше Малого Атлыма (Loltem-kurt) тоже было городище (Старое Атлымское городище — Lolmen-uasch), служившее защитой от татар и самоедов [Миллер, 1996, с. 225–226].

Рассмотренные выше контактные зоны были расположены на Оби. Еще одна находится на Иртыше между д. Стерхова и Есауловыми юртами (Paibult-aul). Большая часть этой территории относится к современному Уватскому району Тюменской области, здесь соприкасались разные по культуре, религии и верованиям, хозяйству этносы — русские, татары и ханты [Миллер, 1996, с. 271–277]. Вероятно, есть и другие территории, где осуществлялись контакты населения, но пока они не попали в поле нашего зрения, поэтому географический разброс великоват. Полагаю, что лакуны будут заполняться по мере исследований.

Вернувшись к материалам Прииртышья, отметим, что русские деревни Кошелева, Волмайская, Лебаутская, Лисанова, Елбинская, Куприянова, Шантарская, Тальнишная, Маевская, Алымская и Уватский погост располагались между Кошелевыми юртами (Kutub-pugl) и Paibult-aul'ом (Есауловыми юртами). Большая часть этих деревень сохранились. В них Г. Ф. Миллер отметил 100 дворов ямщиков, занимавшихся гоньбой между Тобольском и Демьянским ямом, и два двора разночинских. Появление русских на этой территории явно позднее, и они, включившись в уже сложившуюся систему расселения и землевладения, расположили свои деревни узкой полосой вдоль Иртыша.

Самый южный населенный пункт на Иртыше, заселенный остяками, — Kutub-pugl (или Кошелевы юрты, зимние и летние) Назимовской волости, они платили ясак в расположенных в 4 верстах к северу юртах Буренских (Lor-pugl). Немного к югу от Kutub-pugl было остяцкое городище Koshel-uosch, или Watsch-uosch, где когда-то жил князец Koshel. Можно предположить,

что городище маркировало южную границу распространения остяков, хотя и не было административным центром, поскольку ясак собирали в другом месте.

Южнее Кошелевых юрт располагались юрты Лебаутские (Num-pugl или Nasim-aul, зимние и летние), где совместно проживали 10 семей татар и остяков. Эти юрты единственные, где люди указанных двух национальностей жили вместе. Земли, заселенные только татарами, начинались южнее, у юрт Увацких (Uwat-aul, зимний и летний). Поскольку здесь жили татары, переселившиеся из Uba-aul'a (Uwat-aul) — сейчас эта деревня называется Абаул и находится в Тобольском районе Тюменской области на самой границе с областью Омской,— можно предположить, что заселились они на свободное место, между землями остяков и татар. В этом случае можно считать, что первоначально граница между ними проходила по р. Туртас и постепенно татары продвигались к северу от нее.

В вышеперечисленных татарских юртах, равно как и в юртах Туртаских (Turtas-aul), Алымских, по другому — Юлбасарских (Njaling-tamak-aul), Березовых (Kaiin-aul) татары были крещены, хотя прежде относились к мусульманам. Налицо успех христианских миссионеров или же здесь сыграли роль тесные связи с крещеными остяками? В Лебаутских юртах и татары, и остяки до крещения были язычниками. Крещеные татары жили и по р. Алымка (Njaling-jilga) (левый приток Иртыша), и по ее левому притоку Рынье (Rengi-ja). Г. Ф. Миллер не указывает направление связей татар, живших в низовьях Алымки, но татары с Рыньи за один день на лошадях выходили в юртам Стамановым (современная д. Иштаманы немного севернее Тобольска).

В юртах Есауловых (Paibult-aul) и к югу от них жили татары, исповедующие ислам, здесь же была мечеть, самая северная на Иртыше.

Итак, между поселениями остяков-христиан (Kutub-pugl) и татар-мусульман (Paibult-aul) лежала полоса шириной несколько десятков километров, в которой проживали татары-христиане и татары совместно с остяками, которые потенциально могли оставить культуры-«гибриды»: смешанную остячко-татарскую, или христианскую с монголоидным антропологическим типом. Конечно, интересно бы было детальнее рассмотреть процессы тюркизации угров Заболотья на более поздних материалах. Но задача нашего исследования другая — выявление контактных зон на материалах первой трети XVIII в. и признаков, которые помогли определить такие территории в более раннее время. Вернемся к искомым признакам, предположив, что реки могут служить границами. Например, limes Romanitos проходил именно по рекам Рейну и Дунаю, отделяя мир римлян от мира варваров. В изучаемом нами районе ситуация схожая, правда меньшего масштаба:

— южная граница остяков — р. Тюма, в районе устья которой было и место сбора ясака (Буренские юрты) и крепость Koshel-uosch;

— южная граница проживания крещеных татар и остяков — реки Алымка и Туртас (юрты Алымские и Шандарские);

— северная граница распространения юрт татар-мусульман — р. Носка (юрты Есауловы).

Мысль о том, что граница культур и народов может проходить по рекам, не нова. Новое в том, что можно рассмотреть эту границу (и связанные с ней сюжеты), используя методы этноархеологии на конкретной, уже обозначенной, территории.

Интересно соотношение расположения промысловых угодий и мест постоянного проживания аборигенов Сибири. Напомню, что у остяков и татар, активно занимавшихся рыбной ловлей, летние и зимние юрты находились на небольшом расстоянии (около 1–4 верст) друг от друга. Очевидно, что в местах расположения летних юрт на старичных озерах был хорош летний рыбный промысел.

На охоту татары и остяки ходили в разные места. В доказательство приведем пространную цитату из сочинения Г. Ф. Миллера: «Остяцкие жилища простираются до Саргата (находится в 9 днях пути от устья. — С. Т.). Местности выше посещаются только для охоты. Все же видимо, остяки не доходят до истока... Каурдацкие татары Тарского Прииртышья имеют привилегию на охоту в истоках Демьянки. Поэтому осенью они обычно едут... по Демьянке вверх так далеко, как можно пройти на лодке...» [1996, с. 272]. То есть, проживавшие на территории северных районов современной Омской области каурдаццы спускались на лодках до устья Демьянки (несколько сотен километров), а потом поднимались в верховья реки до тех мест, где проходила лодка, ждали зиму и начинали охотиться. Возвращались они домой сушей [Там же]. Судя по географическим картам, это возможно, если подниматься по левым верхним притокам Демьянки Урне, Тегусу и Южной Демьянке и перебираться через водораздельные болота на правые притоки Иртыша Укратус, Тегияр с выходом примерно в районе современного Тевриза.

Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Западной Сибири

Татары, жившие по Туртасу в его устье, ходили вверх по реке примерно на 10 дней пути, а затем могли выйти на Большой Туртас. «Местные татары обычно ходят вверх по ней (р. Туртас — Turtás-jilga. — С. Т.) ради охоты» [Миллер, 1996, с. 275]. Татары, жившие на Иртыше на самом юге Тобольского уезда, осваивали угодья по Малому Туртасу: «Малый Туртас возникает по соседству с Иртышом, недалеко от дер. Салинской, являющейся самой крайней в Тобольском уезде... Каурдацкие татары, живущие немного выше данного места на Иртыше, идут вдоль Малого Туртаса [Там же, с. 276]. Наконец, татары, жившие на Рынье, пользовались дорогой к Стамановым юртам: «Эта речка (Rengi-ja — Рынья. — С. Т.), как и озера, точно также заселена алымскими татарами. От самых крайних на Алымке жилищ имеется обычная сухопутная дорога до... татарской деревни Стамановы юрты на Иртыше...» [Там же].

На этом закончим рассмотрение контактных зон. Их необходимо выделять на материалах узкого хронологического диапазона, рассматривать в динамике на протяжении длительного времени, одновременно изучая хозяйство, пути сообщения и направление контактов аборигенов Сибири. В целом же можно считать, что есть материалы, позволяющие выявлять контактные территории. Их возможные археологические признаки следующие: наличие городищ, маркирующих границы; пустых пространств; местностей с «гибридными» материалами. Возможно, границы расселения народов могли проходить и по рекам, прежде всего притокам крупных сибирских рек, хотя могут быть и другие ситуации, но об этом речь пойдет в другой работе.

В описаниях Г. Ф. Миллера можно найти контактные зоны и на реках, например Енисее и его притоках Кан и Мана, на Тазе, Пуре, притоках Оби Северной Сосьве, Конде и т.д. Эти материалы пригодны для анализа и хорошо сопоставимы с известными «Чертежной книгой Сибири» и «Хорографической чертежной книгой» С.У. Ремезова, подготовленными им в конце XVII — начале XVIII в. То есть источниковая база не так уж мала.

Выявление и нанесение на карту контактных зон — только первый шаг. Далее, уже в поле, необходимо проанализировать их особенные черты: наличие или отсутствия городищ на границах территорий, их протяженность, плотность населения в этой местности, связь этнических, хозяйственных, конфессиональных и прочих границ с природными рубежами (допустим, водными артериями), наконец, характер получаемых с этих территорий данных — этнически «чистый» или «гибридный». Для этого необходимы серьезные целенаправленные этнографические (или историко-этнографические исследования). Затем должен следовать этап археологического обследования местности: выявление и обследование описанных в XVIII в. комплексов, картографирование найденных объектов, пространственный анализ территорий. После этого можно полагать, что выводы по изучению контактных территорий будут иметь высокую степень достоверности. Далее логично переходить к следующей процедуре — экстраполяции полученных результатов на более ранние эпохи, но это тема другой работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галкина В.Т. Разведчик Причудымья Виталий степанович Синяев // Тр. ТОКМ. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. Т. X. С. 141–148.

Зданович Г.Б., Шрейбер В.К. Переходные эпохи в археологии: аспекты исследования (на материалах СКАЭ — УКАЭ) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Издание Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1988. С. 3–19.

Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г.; Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. 1740 г.; Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г.; Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 172–186; 192–208; 215–135; 261–283 (История Сибири: Первоисточники; Вып. 6).

Синяев В.С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // СА. 1950. Т. 13. С. 331–340.

Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Тр. ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 79–88.

Синяев В.С. Граница между чулымцами и чулымскими селькупам в XVI–XVII вв. // Тр. ТОКМ. Томск, 1963. Т. 6, вып. 2. С. 48–53.

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита: (Доклад, прочитанный на сессии ОИИ в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

*Омский филиал ИАЭТ СО РАН
st-57@mail.ru*

С.С. Тихонов

The paper considers a question on a possibility of discovering and further analysis of contacting territories with population of West Siberia, using written, ethnographic, archaeological, toponymic, and cartographic data. Basing on materials by G. F. Miller collected by him in the basin of the Ob and Irtysh rivers and their tributaries in 1740, the author shows several contacting zones of different type. The paper also considers an algorithm of working with sources and perspectives of its development.

Ethnographic and archaeological complex, contacting zone, aboriginals of Siberia.